

ПИТЬ

Ты ведь не знаешь, *что* там.

С первого же глотка
лопнут горячим потом дойные облака.
Осы сосковых зёрен, бёдер нагар/прострел,
голос твой станет чёрен, станет зрачок твой – бел.
Встанешь, шагнёшь по шпалам, дадь это сталь колен.
Путь развернётся алым, зелень плеснёт из вен.
Две поднебесных нити снижут желток и синь.
Разве же ты – не птица? Только беги! Неси
дробью безумных пяток, мельницей ног и рук –
нерастворённый запах, неотражённый звук!
Скорый по взлётке рельсов, выше-гляди-сметёт!
Веткой срываая время, навзничь листовая – всё:
та, что ещё разлюбит, вновь первый раз с тобой...
Станут слюдою губы и шоколадной – боль...
Канет закат на блюде, выплывет в бирюзе
дом, где тебя дождутся, где одному тебе
дальний ночник крылечка – ближе, теплее...

НЕТ!!

Это – ослепший встречный!.. И – оборвётся свет...

...Чашка с отбитым краем, трещинная змея.
Что в ней? Сама не знаю, яд или просто – я...

БАБЬЕ ЛЕТО

1

в горьких व्यонах, пижмах,
головках чертополоха
лечь и молчать: вышит
выше, вишнёвей вдоха,

вырезан из ржавых
крыш жестяных, горячих –
кровным листом капитана...
(шёлковая иначе,
спряденная чужими,
сотканная вслепую
жилка, тропа ли в глине,
трещины тень?..) разуюсь:

розы густой бронзы,
мята глухих, мягких...
просто молчать. возле.
ежа, репей, мятлики...

2

нечаянная но закрой глаза
и весь собравшись на кромке губ
о как ты будешь ловить меня
и ждать во тьме чтобы вновь и вдруг
как вздрогнешь трогая где трава
уколы кончиков мокрый ворс
хвоинок спутанных стрекоза
блесной зависнет слезясь насквозь
чешуйка рыба не сколупнуть
поймал русалку терпи обняв
нежнейшей судорогою рук
и ног впивайся а вот слова
в которых знаю почти что груб
и небо навзничь легко легло
наждак загара волос овсюг
а мне нечаянно так тепло

3

где ночные-чёрные волосы твои
жёсткая неглаженная лебеда
если потеряюсь только не прогони
летнее ли ворохом и чехарда

порох тёплых тропок звон семян-узелков
пальцы разнимаю едва да едва
шёпотом в макушку выдыхать мотыльков
где слова не сломаны о слова

СМОРОДИНОВЫЙ ЛЕС

а солнце – сквозь смородиновый лес
по тёмно-красным, розовым и белым
упругим бусинам прихваченным губами,
упрямым косточкам прикушенным легко...

(а там по краю: ива наизнанку
за пыльной тучей вскинута вдогонку
и от беззвучных судорожных молний –
которые одни и гонят ветер
вперёд товарняков и вертолётов –
уже знобит, метёт озон безумья...
и бьётся телефон – живой пескаррик,
и оборвав натянутую леску
без плеска – в тишину, во тьму как в омут,
в расколотое зеркало как в сушь...
о нём, о немоте... в огне, во гневе...)

...утренним родинкам примятых летних ягод,
нет, мы другая половина неба,
где край листа двуручною пилою,
зелёным леденцом и двуязычным
блужданием на просвет, на шёпот: слышишь,
садовник знает для чего привито,
а веткам незачем, им только дрогнуть
и прижиматься мокрым срезом к срезу,
и прирастать вживую, обнимая...
плести смородиновый лес... прилипших мошек,
мышей летучих с тонкими резцами,
грызущих нежный сахар полнолуныя
и распускающих одежду у влюблённых
до нитки, до последнего, до «кто ты?»

ПО КРАСНОЙ НИТИ

– Чего в такую рань? Эх ты. Легко ли
чём свет вставать, встречать идти старухе?
– Мне, бабушка, хотелось повидаться,
давно не говорили мы с тобою.
– А с дочками что не до разговоров?
– Да выросли они, живут отдельно,
к чему мешаться у чужого счастья,
я лучше к вам – ведь часто собиралась.
– Ну заходи. Дай поцалую... дылда.
Дом-от большой нащ, и обняться есть с кем.
Мы все с тебя глаза-то не спускали,
не ждали правда рано так, но что уж.
– Что мама?
– Младшая моя краса и ныне!
Умней всех вас, всех лучше пьёт и вяжет –
светлее снега, легче паутинки!
Лишь тёплые ей вещи не даются.
– А папа?
– Нет, его ты не отыщешь.
Напрасный труд. Твой дядя тут пытался
свою сына беспутного... соринка
во ста стогах. Но суть не в них, а вот где:
все, кто пришли – по кровной красной нити.
А белая не выдержит натяга.

– А как... не знаю, спрашивать...
– У нас он. Не толкошись, врачи сказали надо,
так им видней. А этот воздух лечит
и хвори, и обиды.
– Расскажи мне.
– Обычно здесь не любят нерождённых,
но твой весёлый. Мы назвали Ваней,
чтоб не забылось, каковы – дары.
Смотри-ко, вот и он. Беги, Ванюша,
встречай скорее маму. Зачерпни ей
пригоршню слёз, лицо умыть с дороги,
и молока грудного – ждаты и пом[нить].

КОНТУР

вымыто, стёрто. я – только контур.
пробегая, его заполняют
чужие собаки,
мальчишки,
мамашка с коляской и книжкой
(какие блестящие спицы),
синие птицы – голубки на бульваре,
в наушниках парень.

а рядом, чуть за угол –
уголь,
шаткая алкашня,
смуглые грузчики
ждут, жгущее солнце степей,
недоумённое, сонное... эй, не пей!
сор и асфальт.

альт –
это уже река –
даль-
ше слышится. из ушка
нитью упрямица тянется.
да, вода.
ну куда?..
едко, как в дверь соседка,
непрощенным лыком в строчку –
не-видите-заперто-на-цепочку,
придерживаю рукою – не беспокоить!..

нет, – синее и зелёное... незабелённое...
«ты же была русалка, жалко...
на, вспоминай –
месяц, май...
и не маши – дыши...
камышы...»

часы протискиваются боком.

хватит, пора.
эхом, охрой
зеркальце поворачивается внутрь,
прикрывается рисунком знакомым.

приветтики, вот я и тут, –
дома.

БЕССОННИЦА

Совы... бесовские и – невесомые,
вспомнятся: дрёмой плавьёшь, но – коготь
где-то с изнанки... Скажи мне сонное,
то ли с английского, то ли – другого...
Вдохом поймай, отпусти на выдохе –
дёрнусь, но снова – ручные, ручьёвые
волосы, полосы светлые... вылетит
слово... моё ли, твоё или чьё оно?..
Слово-совёнок, гнездо его – жжение,
раж: на рожон через брайль многоточия
буковкой м(алой) – руки продолжением,
снежным крылом – продолжением почерка...